

иногда слегка нескромная шутка Хераскова напоминает манеру Богдановича. В «Пилигримах», как и в «Душеньке», изредка встречаем обороты, заимствованные из народных сказок: «Нельзя его списать ни кистью, ни пером», — говорит Херасков о хрустальном доме. Описывая долину, где герои поэмы искали счастья, Херасков заимствует некоторые краски у Богдановича: деревья в честь героя склоняют свои вершины, серебристая роса смывает пыль с ног. Своеобразие поэмы Хераскова — в ее литературности. Поэт часто вспоминает героев известных литературных произведений Вергилия, Тассо, Ариоста, Фенелона. Он то и дело обращается к вопросам литературы, выступая, в частности, против сатиры и авантюрных романов. Херасков отстаивает в поэзии «приятны выдумки», не нарушающие «истины», чистоту и простоту слога. Отличается поэма Хераскова от «Душеньки» и наличием в сюжете аллегорического смысла: истинное счастье достигается только на путях добродетели. Это сближает «Пилигримов» с жанром дидактической поэмы. У Богдановича же развлекательность решительно преобладает над поучительностью.

Следующая группа поэм, связанных с традицией «Душеньки», относится уже к первым десятилетиям XIX в. Наибольший историко-литературный интерес представляет первая из них по времени, представляющая собою новый вариант «легкой поэмы». Две другие, вышедшие следом за ней, более традиционны. Поэтому целесообразно начать с них. Нарушение хронологии в данном случае не помешает историческому пониманию явлений.

Прямым, хотя и запоздавшим, откликом на «Душеньку» Богдановича явилась «лирическая поэма» Мерзлякова «Амур в первые минуты разлуки с Душенькою» (1809).⁵ Поэт развивает тот эпизод, который у Богдановича занимает незначительное место: душевное состояние и поведение Амура после того, как Душенька, нарушив запрет, была изгнана из царства своего божественного супруга. Психологически раскрывая намеки, имеющиеся в «Душеньке», автор «лирической поэмы» заставляет бога любви изливать свои горькие чувства и мысли. Амур завидует смертным, которые могут надеяться, что разлука на земле вознаградится посмертным соединением. Другие красавицы и красоты природы заставляют его вспомнить любимую:

Во всех красавицах мне видится она
И даже, кажется, в алеющих цветах
Ее едину лобызаю!

Подобные мотивы характерны для романтической лирики Жуковского. Помимо сюжета, поэма Мерзлякова связана с «Душенькой» метрической формой. Мерзляков пишет вольными ямбами, сохраняя шестистопную основу, но разнообразя ее стихами с мень-

⁵ «Вестник Европы», 1809, ч. XLV, № 10, стр. 91—121.